

Женщина в российском обществе. 2026. № 3. С. 46—61.

Woman in Russian Society. 2026. No. 3. P. 46—61.

Научная статья

УДК 316.346.32-053.6-055.1/.2

EDN: <https://elibrary.ru/ynknsy>

DOI: 10.21064/WinRS.2026.3.4

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРЕДПОЧТЕНИЯ МОЛОДЁЖИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ

Марина Юрьевна Милованова,

Владислав Вадимович Колесник

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия,
m_milovanova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению гендерных различий в политических предпочтениях, ценностных ориентациях и социальных установках молодёжи современной России. Актуальность исследования обусловлена нарастающим «гендерным идеологическим разрывом», фиксируемым как в международных, так и в отечественных исследованиях. Эмпирическая база включает данные двух опросов: авторского анализа Всероссийского исследования «Общественный договор — 2024» (N = 1000) в рамках проекта РНФ и авторского исследования «Социальные ценности и политические предпочтения молодёжи в современной России» (N = 365, 2025). Показано, что молодые женщины значительно чаще идентифицируют себя с либеральными взглядами, тогда как мужчины склонны к консервативным и государственно-охранительным установкам. Наибольшие гендерные разрывы зафиксированы в вопросах представительства женщин в политике, равенства оплаты труда и отношения к авторитарному правлению. Выявлен парадокс: женщины при либеральных гендерных позициях демонстрируют более высокую приверженность традиционным ценностям — единству народов и нравственным идеалам. Корреляционный анализ показал умеренную связь между идеологической самоидентификацией и ценностными установками, отражающую смешанную конфигурацию взглядов молодёжи.

Ключевые слова: молодёжь, гендерный анализ, ценностные ориентации, политические предпочтения, идеологический разрыв, либерализм, консерватизм, традиционные ценности, социальная справедливость

Для цитирования: Милованова М. Ю., Колесник В. В. Ценностные ориентации и политические предпочтения молодёжи современной России: гендерный анализ результатов эмпирического исследования // Женщина в российском обществе. 2026. № 3. С. 46—61.

Original article

VALUE ORIENTATIONS AND POLITICAL PREFERENCES OF YOUNG PEOPLE IN CONTEMPORARY RUSSIA: A GENDER ANALYSIS OF EMPIRICAL RESEARCH FINDINGS

*Marina Yu. Milovanova,**Vladislav V. Kolesnik*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation,
m_milovanova@mail.ru

Abstract. This article examines gender differences in the political preferences, value orientations, and social attitudes of young people in contemporary Russia aged 18—35. The relevance of this article stems from the growing “gender ideological divide” documented in both international and domestic studies. The empirical basis includes data from two surveys: the All-Russian study “Social Contract-2024” (N = 1,000) as part of a Russian Science Foundation project, and the authors’ study “Social Values and Political Preferences of Youth in Contemporary Russia” (N = 365, 2025). According to the study’s findings, young women are significantly more likely to identify with liberal views (27.1 % versus 11.6 % among men), whereas men tend toward conservative and state-protective attitudes. The largest gender gaps were observed regarding women’s representation in politics (49.8 percentage points), equal pay (31.9 percentage points), and attitudes toward authoritarian rule (15.5 percentage points). The authors identified a paradox: women with liberal gender views demonstrate a higher commitment to traditional values, namely national unity and moral ideals. Correlation analysis revealed a moderate link between ideological self-identification and value orientations, reflecting a mixed configuration of young people’s views. The Russian data generally align with global trends but exhibit distinct national characteristics. The findings support the need for a differentiated approach in developing youth policy and civic education programs that take gender into account.

Keywords: youth, gender analysis, value orientations, political preferences, ideological divide, liberalism, conservatism, traditional values, social justice

For citation: Milovanova, M. Yu., Kolesnik, V. V. (2026) Tsennostnye orientatsii i politicheskie predpochtenia molodëzhi sovremennoï Rossii: gendernyi analiz rezul'tatov empiricheskogo issledovaniia [Value Orientations and Political Preferences of Young People in Contemporary Russia: A Gender Analysis of Empirical Research Findings], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 46—61.

Введение

Проблема гендерных различий в политических предпочтениях и ценностных ориентациях молодёжи в последние годы привлекает всё более пристальное внимание как зарубежных, так и российских исследователей. Международные исследования фиксируют феномен «гендерного идеологического разрыва» — устойчивого расхождения политических позиций молодых мужчин и женщин, достигающего в ряде стран исторического максимума [Milosav et al., 2025]. Этот разрыв проявляется в том, что молодые женщины всё чаще поддерживают левые и либеральные партии, тогда как их сверстники-мужчины склоняются к правым, консервативным и даже ультраправым политическим силам. Наиболее ярко эта тенденция выражена в Южной Корее, США, Великобритании, Германии и Польше [Гетин и др., 2022].

В российской социологии проблема гендерной специфики взаимосвязи политических предпочтений и ценностных ориентаций молодёжи остаётся актуальной.

Существующие исследования преимущественно фокусируются на общих характеристиках политической социализации, ценностных ориентациях или уровне доверия к институтам, однако систематический гендерный анализ применительно к современной российской молодёжи представлен фрагментарно.

Настоящая статья призвана восполнить этот пробел. Цель исследования состоит в выявлении и анализе гендерных различий в политических предпочтениях, ценностных ориентациях и социальных установках российской молодёжи в возрасте 18—35 лет. В фокусе внимания находятся следующие вопросы: есть ли различия в уровне политической вовлеченности и источниках получения информации о социально-политической сфере среди молодых мужчин и женщин? Существуют ли значимые гендерные различия в политической самоидентификации? Как соотносятся гендерные ценности, традиционные установки и политические предпочтения у молодых мужчин и женщин? Насколько российские данные согласуются с глобальными трендами?

Теоретико-методологическая основа исследования

Теоретическую рамку исследования образует синтез классических концепций и современных российских социологических подходов к изучению молодёжи как социальной группы. Плюралистический подход М. Вебера к изучению элит и способов их рекрутирования [Вебер, 2003] задаёт аналитическую рамку для понимания механизмов политической самоидентификации молодёжи. Базовой идеей выступает положение К. Мангейма о молодёжи как «скрытом ресурсе», выступающем не только объектом воспитания и социализации, но и субъектом деятельности [Мангейм, 1994]. Это означает, что молодёжные ценностные ориентации и политические предпочтения не являются производными взрослого мира, а формируются как самостоятельный феномен под влиянием специфического исторического опыта поколения. В рамках гендерной социологии интерпретация гендерных различий опирается на работы Т. Парсонса, где показано разделение инструментальных и экспрессивных ролей [Парсонс, Бейлс, 1955], а также на теорию социальных ролей Э. Игли, согласно которой различия в ценностях и установках формируются через усвоение нормативных ролей и ожиданий, закреплённых в социальных институтах [Игли, 1987]. Немаловажное значение имеет концепция С. Бенхабиб о роли культурных нарративов в формировании идентичности в условиях информационного общества: когда индивиду навязчиво предлагаются ориентиры образа жизни и поведения [Бенхабиб, 2003]. Трактровка Э. Ноэль-Нойман о «спирали молчания» [Ноэль-Нойман, 1996] объясняет, почему индивиды, чувствующие себя в меньшинстве, склонны умалчивать свои взгляды — и это особенно значимо для интерпретации гендерных различий в политической самоидентификации.

Российская социология молодёжи выработала собственные концептуальные основания для изучения изменений в ценностной сфере и политическом поведении молодёжи. Труды Ж. Т. Тощенко [Тощенко, 2024] о жизненном мире как базовом понятии социологии жизни задают методологическую рамку для интерпретации ценностных конфигураций. М. К. Горшков и Ф. Э. Шереги [Горшков, Шереги, 2010] сформировали системный социологический портрет российской молодёжи. Актуальный срез её ценностных ориентаций, жизненных стратегий и политических установок в условиях новых геополитических и социальных вызовов дан в коллективном труде под редакцией М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой

«Российское общество и вызовы времени» [Российское общество, 2025]. Е. Л. Омельченко внесла значительный вклад в концептуализацию молодёжных идентичностей и практик. В работе о молодёжном активизме [Омельченко, 2005] ею показано, как глобальные трансформации переконфигурируют смыслы гражданского участия молодёжи в России. Анализ солидарных и культурных практик молодёжи начала XXI века [Омельченко, 2013] раскрывает механизмы формирования коллективных идентичностей и группового поведения. В более поздней работе [Омельченко, 2022] поставлен вопрос о характере отношений молодёжи с государством, а именно в контексте взаимных ожиданий и их несовпадения. Особую значимость для настоящего исследования имеет работа Е. Л. Омельченко и И. В. Лисовской [Омельченко, Лисовская, 2022], в которой через экспертные мнения специалистов в области молодёжной политики анализируется молодёжная повестка в современной России: выделены ключевые тематические блоки экспертной оценки (занятость, образование, ценности, гражданская активность), а также сформулировано представление о молодёжи как «барометре будущего» — индикаторе векторов социальных изменений.

Ю. А. Зубок исследует жизненные стратегии молодёжи в условиях неопределённости и риска [Зубок, 2020]. Совместно с В. И. Чупровым и А. В. Сорокиным [Зубок и др., 2021] ею изучены гендерные различия в смысловой саморегуляции молодёжи в сфере труда. Н. М. Великая и Е. А. Князькова исследуют политические установки и репродуктивные права в контексте гендерного анализа [Великая, Князькова, 2021], а также представления молодёжи об образах будущего социально-политического развития страны [Великая, Шушпанова, 2021].

Т. А. Гурко совместно с М. С. Мамиконян и Э. К. Бийжановой [Гурко и др., 2018] провели обзор зарубежных исследований гендерной идеологии молодёжи, а в самостоятельной работе [Гурко, 2019] изучены представления студентов в отношении родительства и социальных ролей, т. е. темы, непосредственно связанные с блоком гендерных и семейных ценностей нашего исследования. О. В. Попова [Попова, 2021] анализирует политическую онлайн-коммуникацию молодёжи российских мегаполисов, выявляя специфику цифрового политического участия. А. Ю. Домбровская [Домбровская, 2020] и О. А. Башева [Башева, 2020] изучают гражданский и цифровой активизм молодёжи в офлайн- и онлайн-средах как аспект, принципиально важный для понимания современных форм политической вовлечённости.

О. В. Кучмаева [Кучмаева, 2014] и Т. Ю. Лиханова [Лиханова, 2024] исследуют ценностные ориентации российской молодёжи, в том числе студенческой, в условиях социокультурной трансформации. Т. А. Калугина [Калугина, 2023] анализирует современные практики молодёжных общественно-политических организаций. В. А. Луков [Луков, 2013] рассматривает молодёжную политику как механизм реализации инновационного потенциала новых поколений. Работы одного из авторов статьи посвящены молодёжной политике и социальному капиталу, гендерному анализу политического дискурса, а также исследованию гендерных различий в оценках общественно-политической жизни в период СВО [Милованова, 2017, 2022, 2025].

Таким образом, отечественная социология молодёжи формирует разветвлённый концептуальный и эмпирический фундамент для анализа гендерных различий в ценностных ориентациях и политических предпочтениях. Вместе с тем систематическое соединение данных измерений с акцентом на гендерную специфику применительно к актуальной российской ситуации остаётся задачей, которую решает настоящая статья.

Международный контекст исследования задаётся устойчивым феноменом «гендерного идеологического разрыва», масштаб которого в последние десятилетия существенно возрос. Анализ электорального поведения мужчин и женщин в 50 демократических странах на протяжении более 70 лет, проведённый Гетином, Мартинес-Толедано и Пикетти [Гетин и др., 2022], показал, что к 2020 году разрыв между электоральными предпочтениями женщин (в пользу левых) и мужчин (в пользу правых) составил 10—15 п.п. Исследования Милосава и соавторов [Milosav et al., 2025], основанные на Европейском исследовании выборов 2024 года, фиксируют, что в 27 странах ЕС за крайне правые партии проголосовало более 21 % молодых мужчин против 14 % среди женщин того же возраста. Обращение к зарубежным исследованиям в данном разделе носит вспомогательный характер: они обозначают глобальный контекст гендерного идеологического разрыва и служат сравнительной точкой отсчёта для анализа российских данных, а не задают основной теоретический язык исследования.

Методы и эмпирическая база исследования

Авторский анализ данных Всероссийского опроса 2024 года в рамках НИР РНФ «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации» (№ проекта 23-18-00093), далее — Общественный договор-2024. Метод сбора данных — анкетный опрос; выборка квотная по полу и возрасту (18—24 года — 9 %, 25—29 лет — 6 %, 30—39 лет — 20 %), объём выборки — 1000 респондентов, включая 100 человек, опрошенных в рамках пилотного исследования.

Авторское исследование «Социальные ценности и политические предпочтения молодёжи в современной России», опрос проведён в октябре-ноябре 2025 года (инструментарий М. Ю. Милованова и В. В. Колесник), далее — Авторское исследование-2025. Объём выборки составил 365 респондента в возрасте от 18 до 35 лет (М — 44 %, Ж — 56 %) из 29 субъектов РФ. 95 % респондентов проживают в городской местности, 56 % имеют высшее или неполное высшее образование. Спектр вопросов в анкете охватывал субъективную оценку общественно-политической активности молодёжи, приверженность определенным общественно-политическим взглядам, отношение респондентов к уровню политических и экономических свобод, гендерным и семейным установкам, а также восприятие традиционных ценностей. Анализ полученных данных осуществлялся с использованием программного обеспечения IBM SPSS Statistics 23, включал расчёт процентных распределений, гендерных разрывов (разницы в процентных пунктах), а также корреляционный анализ для выявления связей между идеологической самоидентификацией и ценностными установками.

Результаты исследования

Общая характеристика политической вовлеченности молодёжи

Согласно обобщённым данным, 57 % молодёжи не проявляет интереса к политике (Левада-Центр*, 2020)¹, а уровень поддержки политических партий

¹ «На индивидуальном уровне молодые люди проявляют оптимизм» [Электронный ресурс] // Левада-Центр (включен в реестр иностранных агентов в РФ). 30.04.2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/30/na-individualnom-urovne-molodye-lyudi-proyavlyayut-optimizm/> (дата обращения: 27.11.2025).

* Включен в реестр иностранных агентов в РФ.

со стороны молодёжи стабильно остаётся низким — от 2 до 7 % [Милованова, 2022]. По данным ФОМ (2023)², только 37 % молодых людей интересуется политикой, и половина опрошенных отмечает, что у молодых людей сегодня нет возможности влиять на политическую жизнь в стране. При этом уровень заинтересованности за последнее десятилетие только падает: в 2014 году этот показатель достигал 41 % (ФОМ, 2014)³.

По данным ОД-2024, 61 % респондентов в возрасте 18—29 лет считают, что не могут влиять на принятие государственных решений (табл. 1). При этом гендерная асимметрия является достаточно выраженной. Мужчины значительно чаще заявляют о способности влиять на принятие решений в полной мере (27 % против 9 % у женщин), то есть демонстрируют более высокий уровень субъективной политической вовлеченности. Женщины, напротив, чаще фиксируют возможность влияния лишь в ограниченном объеме (20 % против 11 % у мужчин) и чаще заявляют о невозможности влиять в принципе (65 % против 57 %).

Таблица 1

Субъективная оценка возможностей влияния на государственные решения молодёжью в разрезе по полу, % по столбцу

Можете ли Вы ЛИЧНО влиять на принятие государственных решений в стране?	Пол		Всего
	Мужской	Женский	
Могу влиять в полной мере	27 %	9 %	18 %
Могу влиять в небольшой мере	11 %	20 %	16 %
Не могу влиять	57 %	65 %	61 %
Затрудняюсь ответить	5 %	5 %	5 %

Источник: Общественный договор—2024

Вместе с тем в современной России насчитывается около 20 тыс. молодёжных движений и организаций, более 80 из них — массовые⁴. Основная масса гражданских активистов — молодые люди в возрасте до 30 лет, обладающие высшим образованием и проживающие в крупных городах [Домбровская, 2020]. Их мотивация к участию обусловлена стремлением к самореализации, улучшению качества жизни и решению конкретных общественных проблем [Башева, 2020]. Они также проявляют большой интерес и к другим различным формам общественно-политического участия, включая уже цифровой активизм [Попова, 2021].

² Участие молодёжи в политической жизни страны [Электронный ресурс] // ФОМ. 28 февраля 2023. URL: <https://fom.ru/Politika/14842>

³ Легко или трудно живется молодым [Электронный ресурс] // ФОМ. 3 Октября 2014. URL: <https://fom.ru/TSennosti/11749> (дата обращения: 27.12.2025).

⁴ Снежана Ш. Современные политические молодежные движения // Образовательный портал «Справочник». Дата последнего обновления статьи: 14.08.2025. URL: https://spravochnik.ru/istoriya_rossii/sovremennye_politicheskie_molodezhnye_dvizheniya/ (дата обращения: 27.11.2025).

Среди источников получение информации о социально-политической сфере жизни и мужчины, и женщины опираются прежде всего на социальные сети, однако женщины делают это заметно чаще (85,8 % против 76,2 % у мужчин). Мужчины в большей степени обращаются к аналитическим материалам в интернете (64,6 % против 55 %) и агитационным материалам (7,3 % против 3,7 %). Телевидение и личное общение занимают сопоставимые позиции у обоих полов.

Политическая самоидентификация

По данным авторского исследования 2025 года выявлены гендерные различия в политической самоидентификации: женщины чаще относят себя к либералам (27,1 % против 11,6 % у мужчин: разница 15,5 п.п.), мужчины — к консерваторам (19,5 против 13,3 % у женщин. Центристами себя считают 15,9 % мужчин и 11,5 % женщин. По данным опроса «Общественный договор—2024» со спецификой методики, левые взгляды наиболее популярны среди мужчин 18—24 лет (41 %), правые (либеральные) — среди мужчин 25—29 лет (24 %). Отмечена возрастная динамика: при взрослении мужчин (от 18—24 к 25—29 годам) доля левых взглядов резко падает с 41 % до 18 %, а правых (либеральных) — растёт с 9 % до 24 %. Это служит свидетельством политического взросления мужчин, связанного с уходом от левых позиций и усилением правых(либеральных) настроений. Данные авторского исследования показывают следующее распределение общественно-политических взглядов молодёжью (табл. 2).

Таблица 2

Оценка общественно-политических взглядов молодёжью, по полу и возрасту в %

Общественно-политические взгляды	Пол		Всего
	Мужской	Женский	
Либеральных (либерально-демократических)	11,8	27,0	20,3
Консервативных (в т. ч. национал-патриотических, традиционалистских)	20,5	12,3	15,9
Центристских (умеренных)	15,5	10,8	12,9
Социалистических (в т. ч. социал-демократических, коммунистических)	11,2	6,4	8,5
Религиозных (христианских, мусульманских или других)	2,5	2,9	2,7
Других	1,2	1,0	1,1
Аполитичен (не придерживаюсь определённых взглядов)	13,0	18,6	16,2
Затрудняюсь ответить	24,2	21,1	22,5
Всего	100 %	100 %	100 %

Источник: Авторское исследование—2025

Среди женщин заметно выше доля респондентов, идентифицирующих себя как носителей либеральных взглядов (27,0 % против 11,8 % среди мужчин), тогда как среди мужчин существенно чаще встречаются консервативные ориентации (20,5 % против 12,3 % у женщин), а также в меньшей степени социалистические. Кроме того, женщины несколько чаще характеризуют себя как аполитичных (18,6 % против 13,0 %), что может указывать на большую дистанцированность части женской группы от идеологических классификаций. По результатам критерия χ^2 Пирсона различия являются значимыми на уровне $p < 0,01$ ($\chi^2 = 20,325$; $df = 7$; $p = 0,005$), что позволяет отвергнуть нулевую гипотезу об отсутствии связи между полом и типом общественно-политических взглядов, а оценка силы связи с использованием V Крамера ($V = 0,236$; $p = 0,005$) указывает на умеренную по величине взаимосвязь между полом и характеристикой общественно-политических взглядов.

Соотношение политических предпочтений, гендерных ценностей и традиционных установок и у молодых мужчин и женщин

Согласно данным опроса «Общественный договор—2024», среди молодёжи наиболее распространено мнение, что государство в первую очередь выражает интересы богатых и олигархов: пик этого убеждения приходится на мужчин в возрасте 25—29 лет (55 %). Минимум среди женщин 18—24 лет (27 %), но все равно это одна из ведущих позиций. Гендерный разрыв особенно заметен: мужчины всех возрастов значительно чаще выбирают этот вариант (разрыв 15—20 п.п.). Женщины чаще верят в защиту интересов всех граждан: ярко выражено в возрастных группах 18—24 (45 % против 37 % у мужчин) и 25—29 лет (45 % против 27 % у мужчин). Среди мужчин наблюдается пик критичности в группе 25—29 лет: максимальные показатели по защите богатых (55 %) и бюрократии (24 %), а минимальная вера в защиту всех граждан (27 %). Возможная интерпретация состоит в разном восприятии социальной справедливости. Мужчины в этом возрасте чаще сталкиваются с карьерными амбициями, давлением рынка труда, призывом в армию, что может усиливать критическое восприятие государства. Женщины могут чаще ориентироваться на социальные гарантии (материнский капитал, поддержку семей) и потому реже видят перекося в сторону элит. Мужчины чаще потребляют политические и экономические новости, где критика элит (коррупция, неравенство) подаётся более жёстко. Женщины могут избегать радикальных оценок из-за большей осторожности или меньшего интереса к политике. Таким образом, молодые мужчины являются группой риска для власти, они выражают высокий уровень критики (55 % считают, что государство работает на олигархов). Молодые женщины — более лояльная, но менее вовлечённая аудитория. Государство делает ставку на семейную политику (поддержка матерей, ипотечные льготы), что частично объясняет их лояльность. Если мужчины считают систему несправедливой, а женщины более нейтральной, это может создавать социальное напряжение (например, в семьях или среди пар).

По всем государственно-охранительным установкам мужчины демонстрируют более высокий уровень согласия. Наиболее разительное отличие — поддержка авторитарного правления: 45 % мужчин согласны с тем, что «даже в мирное время авторитарное правление может быть предпочтительнее демократического», среди женщин таковых лишь 29,5 %. Разрыв в 15,5 процентных пункта указывает на более выраженный авторитарный компонент в мужских политических установках.

Мужчины также чаще согласны с тем, что «главная задача государства — обеспечить порядок и безопасность, даже если для этого придётся ограничить некоторые права и свободы» (68,6 % против 61,2 % у женщин), и что «мы должны гордиться своей страной, даже когда дела в ней идут не очень хорошо» (74,8 % против 68,8 %). Вместе с тем оба пола разделяют умеренно-государственнические взгляды: поддержка суверенитета России на международной арене высока у обоих (78,1 % и 74,5 %), а цензуру СМИ поддерживает меньшинство — около трети опрошенных.

Общая поддержка внешней политики среди молодёжи высока (65—75 %), но с заметными гендерными и возрастными различиями. Мужчины 18—24 лет демонстрируют наибольшую лояльность (43 % полной поддержки), но почти каждый пятый (17 %) открыто не поддерживает внешнюю политику. Мужчины 25—29 лет — наиболее критичная группа (30 % полной поддержки, 30 % не поддерживают). Женщины 18—29 лет чаще занимают умеренную позицию (30—48 % частичной поддержки) и реже выражают открытый протест (3—5 %). Женщины 25—29 лет избегают крайностей: только 3 % против, но и полная поддержка ниже (26 %), зато 48 % одобряют частично.

Вместе с тем, при рассмотрении гендерных ценностей фиксируется колоссальный разрыв в 49,8 п.п. по вопросу представительства женщин в политике: лишь 27,4 % мужчин считают, что государство и общество должны быть более обеспокоены недостаточным представительством женщин на руководящих позициях, тогда как среди женщин таких 77,2 %. Аналогично: 95,5 % женщин считают неравенство в оплате труда несправедливым, среди мужчин — 63,6 % (разрыв 31,9 п.п.). Утверждение о том, что гендерные роли устарели, поддерживают 61,4 % мужчин и 78,3 % женщин (разрыв 16,9 п.п.).

Показательно, что мужчины заметно чаще считают деторождение главным смыслом семьи (55,1 % против 33 % у женщин, разрыв 22,1 п. п.). При этом формула «мужчина — добытчик, женщина — домохозяйка» воспринимается как устаревшая большинством обоих полов, но женщины настроены категоричнее (78,3 % против 61,4 %).

Отдельного рассмотрения заслуживает универсалистский компонент в структуре социальных ценностей молодёжи. В отношении межнациональных и межконфессиональных браков большинство респондентов обоих полов хоть и занимают одобрительную позицию, однако мужчины значительно реже выражают согласие с мнением, что «нет ничего плохого в том, чтобы вступить в брак с представителем другой национальности и/или иного вероисповедания» (суммарно 67,7 % мужчин и 84,3 % женщин). Доля несогласных с этим утверждением также существенно выше среди мужчин: сумма значений негативных оценок составляет 14,9 % против 7,8 % у женщин.

Аналогичная, но более выраженная асимметрия наблюдается касательно утверждения о необходимости равного отношения к людям вне зависимости от их происхождения или сексуальной ориентации. Женщины демонстрируют значительно более высокий уровень поддержки этого мнения (80,6 % против 51,9 % у мужчин), тогда как среди мужчин существенно выше доля негативных оценок (23 % против 8,3 % у женщин).

При анализе приверженности традиционным ценностям (по шкале от 1 до 5) обнаруживается парадоксальный результат: женщины, несмотря на более либеральные взгляды в гендерных вопросах, демонстрируют более высокую приверженность традиционным ценностям, особенно «единству народов России» (4,37 против 3,90 у мужчин) и «высоким нравственным идеалам» (4,16 против 3,94).

Единственное исключение — «крепкая семья», по которой оба пола практически совпадают (4,31 и 4,28). Это свидетельствует о том, что «традиционные ценности» в понимании женщин не противоречат либеральной позиции по гендерным вопросам, а скорее дополняют её.

Корреляционный анализ

Проведённый корреляционный анализ (на основе данных опроса 2025 года) выявил, что связи между идеологическим самоопределением и отдельными ценностными установками в целом невысокие: идеологическая самоидентификация объясняет лишь небольшую часть различий во взглядах респондентов. Наиболее тесно с идеологией связаны установки в пользу гендерного равенства, социальной толерантности и перераспределения доходов в пользу нуждающихся: чем более выражена идеологическая позиция, тем чаще поддерживаются эти идеи. Блок вопросов о традиционных ценностях (служение Отечеству, крепкая семья, духовность, коллективизм, единство народов) образует устойчивый кластер и в целом умеренно положительно связан с идеологией. Поддержка авторитарно-патриотических установок хорошо согласуется внутри своего блока, но лишь умеренно связана с общим показателем идеологии. Более светское отношение к религии ассоциируется со снижением поддержки авторитарных и традиционалистских позиций. Социально-экономические взгляды также образуют единый, но внутренне противоречивый кластер, сочетающий элементы как левых, так и правых установок. В целом структура корреляций указывает не на чёткое деление респондентов на два противоположных идеологических лагеря, а на сложную и смешанную конфигурацию ценностей.

Обсуждение результатов

Проведённое исследование выявило устойчивые и значимые гендерные различия в политических предпочтениях и ценностных ориентациях российской молодёжи. Полученные результаты необходимо рассматривать прежде всего в контексте российской социологической традиции изучения молодёжи.

Выявленная либеральная самоидентификация женщин и консервативная мужчин согласуется с наблюдениями о нарастающей поляризации установок молодёжи [Великая, Шушпанова, 2021]: если в начале 2020-х доля молодёжи с чёткой идеологической идентификацией была невысока, то к 2025 году её контуры становятся всё более различимы. Данные об «экспертной» молодёжной повестке в России, представленные Е. Л. Омельченко и И. В. Лисовской [Омельченко, Лисовская, 2022], свидетельствуют, что специалисты в области молодёжной политики фиксируют напряжение между декларируемыми ценностями молодёжи и реальными практиками её политического участия. Это напряжение находит подтверждение в нашем исследовании: высокая поддержка традиционных ценностей у женщин сочетается с их более либеральными взглядами на гендерное равенство.

Данные о слабой политической вовлечённости молодёжи, фиксируемые О. В. Поповой [Попова, 2021] применительно к онлайн-коммуникации, и наблюдения А. Ю. Домбровской [Домбровская, 2020] о гражданском активизме подтверждают, что политическое участие молодёжи носит преимущественно избирательный и ситуативный характер. При этом каналы формирования политических позиций различаются: мужчины в большей степени опираются на аналитические материалы

в интернете (64,6 % против 55,0 % у женщин) и агитационные источники (7,3 % против 3,7 %), что может объяснять их более поляризованные политические взгляды.

Феномен, описанный Е. Л. Омельченко применительно к солидарным практикам российской молодёжи [Омельченко, 2013] о расщеплении между декларируемыми ценностями и практиками, прослеживается и в гендерном измерении. Женщины демонстрируют парадоксальное сочетание либеральных гендерных установок (77,2 % за представительство женщин в политике) и высокой приверженности традиционным коллективистским ценностям (4,37 по единству народов). Это указывает не на противоречие, а на специфическую конфигурацию «традиционного» и «либерального» в российском женском политическом сознании, где солидарность и гражданственность воспринимаются как взаимодополняющие принципы.

Выявленный авторитарный компонент в мужских установках (45 % поддерживают авторитарное правление в мирное время) находит интерпретацию через «спираль молчания» Э. Ноэль-Нойман [Ноэль-Нойман, 1996]: мужчины, испытывающие давление нормативных ожиданий («мужчина должен быть уверен в своих взглядах»), могут демонстрировать более категоричные позиции, включая поддержку сильной власти. Это согласуется с данными о гендерной идеологии молодёжи, представленными Т. А. Гурко [Гурко и др., 2018]: более традиционные маскулинные установки ассоциируются с предпочтением авторитарных решений.

В сравнительном контексте: российская ситуация имеет как сходство с глобальными трендами, так и существенные отличия. Как и в странах Европы и США [Гетин и др., 2022; Milosav et al., 2025], в России фиксируется более высокая либеральная самоидентификация среди молодых женщин и более высокая консервативная — среди мужчин. Однако в отличие от западных стран, где этот разрыв наиболее выражен в вопросах экологии, иммиграции и мультикультурализма, в России ключевыми точками расхождения выступают вопросы представительства женщин в политике и оценка справедливости социального устройства. Кроме того, в России отсутствует столь выраженная поддержка ультраправых движений среди молодых мужчин, что связано с особенностями партийно-политической системы и более низкой общей политической вовлечённостью молодёжи [Омельченко, Лисовская, 2022].

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать выводы о гендере как значимом факторе формирования политических предпочтений и ценностных ориентаций российской молодёжи. Молодые женщины чаще идентифицируют себя как либералы, демонстрируют более высокую приверженность гендерному равенству и социальной справедливости. Молодые мужчины чаще придерживаются консервативных и авторитарных установок, выше оценивают значимость государственного порядка и безопасности. Наибольшие гендерные различия зафиксированы в вопросах представительства женщин в политике (разрыв 49,8 п.п.), равенства оплаты труда (31,9 п.п.), деторождения как главного смысла семьи (22,1 п.п.) и поддержки авторитарного правления (15,5 п.п.).

Женщины демонстрируют парадоксальное сочетание либеральных гендерных установок и высокой приверженности традиционным ценностям (особенно единству народов и высоким нравственным идеалам), что указывает на необходимость более тонкого анализа содержания понятия «традиционные ценности» в российской молодёжной среде.

Практическая значимость исследования заключается в обосновании необходимости дифференцированного подхода при разработке молодёжной политики, политических коммуникаций и программ гражданского образования с учётом гендерных различий. Молодые мужчины — группа риска с точки зрения роста недоверия к институтам и авторитарных настроений; молодые женщины — более лояльная, но менее вовлечённая аудитория, требующая особых механизмов включения в политическое участие. Перспективными направлениями дальнейших исследований являются: анализ региональных различий, изучение влияния семейного положения на политические предпочтения, сравнительный анализ поколений Z и Y, а также качественные исследования, позволяющие глубже понять мотивацию и ценностные основания политического выбора молодёжи.

Список источников

- Башева О. А. Цифровой активизм как новый метод гражданской мобилизации // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 1. С. 41—57.
- Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / пер. с англ.; под ред. В. И. Иноземцева. М.: Логос, 2003. 350 с.
- Вебер М. Политические работы: 1895—1919. М.: Праксис, 2003. 422 с.
- Великая Н. М., Князькова Е. А. Репродуктивные права женщин в политическом дискурсе современной России // Женщина в российском обществе. 2021. Спец. выпуск. С. 25—37.
- Великая Н. М., Шушпанова И. С. Российская молодёжь о перспективах и образах будущего социально-политического развития страны // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 2. С. 29—40.
- Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.
- Громова Е. И., Терентьева В. И. Факторы формирования мотивационного репертуара социальной мобильности // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 2. С. 80—88.
- Гурко Т. А., Мамиконян М. С., Бийжанова Э. К. Исследования гендерной идеологии молодежи: обзор зарубежных работ // Социология медицины. 2018. Т. 17, № 2. С. 104—113.
- Гурко Т. А. Представления студентов в отношении родительства и социальных ролей мужчин и женщин // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7, № 2. С. 65—80.
- Домбровская А. Ю. Гражданский активизм молодежи в современной России: особенности проявления в онлайн- и офлайн-средах (по результатам эмпирического исследования) // Власть. 2020. № 2. С. 51—58.
- Зубок Ю. А. Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 4—12.
- Зубок Ю. А., Чупров В. И., Сорокин А. В. Смысловая саморегуляция жизнедеятельности молодежи: гендерные различия в сфере труда // Женщина в российском обществе. 2021. № 5. С. 38—59.
- Игли Э. Х. Sex Differences in Social Behavior: A Social-role Interpretation. Hillsdale, N. J.: L. Erlbaum Associates, 1987. 178 p.
- Калугина Т. А. Молодежные общественно-политические организации: теория и современные практики // Х Дыльновские чтения. Социология и современное общество: междисциплинарные подходы исследования. 2023. С. 124—127.

- Кучмаева О. В. Ценностные ориентации современной российской молодёжи: особенности и перспективы // Социальная педагогика. 2014. № 1. С. 73—83.
- Левичева В. Ф. Социальное самоопределение молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 322—324.
- Лиханова Т. Ю. Жизненные ориентиры и ценности современной студенческой молодежи в условиях социокультурной трансформации российского общества (по результатам социологического опроса) // Социально-политические науки. 2024. № 6. С. 39—45.
- Луков В. А. (ред.) Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. 718 с.
- Маннгейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ.; отв. ред. и сост. Я. М. Бергер и др. М.: Юрист, 1994. 700 с.
- Милованова М. Ю. Молодежная политика как основа развития социального капитала в современной России // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16, № 6 (125). С. 74—82.
- Милованова М. Ю. Социальные интересы молодежи: актуальный партийно-политический дискурс и гендерный анализ // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2022. № 1. С. 97—106.
- Милованова М. Ю. Женщины и мужчины о социально-экономической и общественно-политической жизни в период Специальной военной операции (СВО) / М. Ю. Милованова // Социология и общество: формирование и функционирование общественной памяти: Сборник докладов VII всероссийского социологического конгресса, Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, 12—14 ноября 2025 года. М.: Российское общество социологов, 2025. С. 3365—3373.
- Нозль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: пер. с нем. / общ. ред. и предисл. Мансурова Н. С. М.: Прогресс-Академия: Весь мир, 1996. 352 с.
- Российское общество и вызовы времени. Книга восьмая / ФНИСЦ РАН, Институт социологии; под ред. М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2025. 352 с.
- Омельченко Е. Л. Молодежный активизм в России и глобальные трансформации его смысла // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3, № 1. С. 59—86.
- Омельченко Е. Л. Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века: теоретический контекст // Социологические исследования. 2013. № 10 (354). С. 52—61.
- Омельченко Е. Л. Молодежь, Родина и государство — (не)взаимная любовь // Социодиггер. 2022. Т. 3, № 1—2 (16). С. 151—156.
- Омельченко Е. Л., Лисовская И. В. Молодежь как барометр будущего? Молодежная повестка в современной России сквозь мнения экспертов по молодежной политике // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2 (168). С. 66—92.
- Попова О. В. Политическая онлайн-коммуникация молодежи российских мегаполисов // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. № 2. С. 28—54.
- Тоценко Ж. Т. Жизненный мир как базовое понятие социологии жизни // Социологические исследования. 2024. Т. 50, № 7. С. 10—22.
- Gethin A., Martínez-Toledano C., Piketty T. Brahmin Left vs Merchant Right: Changing Political Cleavages in 50 Democracies, 1948—2020 // The Quarterly Journal of Economics. 2022. Vol. 137. No. 1. P. 1—60.
- Milosav Đ., Dickson Z., Hobolt S. B., Klüver H., Kuhn T., Rodon T. The youth gender gap in support for the far right // Journal of European Public Policy. 2025. Vol. 33. Iss. 2. P. 444—468.
- Parsons T., Bales R. F., in collaboration with James Olds, Morris Zelditch, Jr., and Philip E. Slater. Family, Socialization and Interaction Process. Glencoe, Illinois: The Free Press, 1955, 422 p.

References

- Basheva, O. A. (2020) Tsifrovoy aktivizm kak novyy metod grazhdanskoй mobilizatsii [Digital activism as a new method of civic mobilization], *Nauchnyy rezultat. Sotsiologiya i upravlenie*, vol. 6, no. 1, pp. 41—57.
- Benhabib, S. (2003) Prityazaniya kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'noy ère [The Claims of Culture: Equality and Diversity in the Global Era]. Translated from English by V. I. Inozemtsev; in V. I. Inozemtsev (Ed.). Moscow: Logos, 350 p.
- Dombrovskaya, A. Yu. (2020) Grazhdanskii aktivizm molodezhi v sovremennoy Rossii: osobennosti proiavlenniya v onlain- i oflain-sredakh (po rezul'tatam empiricheskogo issledovaniya) [Civil activism of youth in modern Russia: features of its manifestation in online and offline environments (based on the results of an empirical study)], *Vlast'*, no. 2, pp. 51—58.
- Eagly, A. H. (1987) Sex Differences in Social Behavior: A Social-role Interpretation. Hillsdale, N.J.: L. Erlbaum Associates, 178 p.
- Gethin, A., Martínez-Toledano, C., Piketty, T. (2022) Brahmin Left vs Merchant Right: Changing Political Cleavages in 50 Democracies, 1948—2020, *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 137, no. 1, pp. 1—60.
- Gorshkov, M. K., Sheregi, F. E. (2010) *Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret* [Youth of Russia: A Sociological Portrait]. Moscow: TsSPiM, 592 p.
- Gurko, T. A. (2019) Predstavleniya studentov v otnoshenii roditel'stva i sotsial'nykh rolei muzhchin i zhenshin [Student's attitudes to parenthood and the social roles of men and women], *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, vol. 7, no. 2, pp. 65—80.
- Gurko, T. A., Mamikonyan, M. S., Biyzhanova, E. K. (2018) Issledovaniya gendernoy ideologii molodezhi: obzor zarubezhnykh rabot [The studies of gender ideology of the youth: the review of foreign publications], *Sotsiologiya meditsiny*, vol. 17, no. 2, pp. 104—113.
- Gromova, E. I., Terentyeva, V. I. (2021) Faktory formirovaniya motivatsionnogo repertuara sotsial'noy mobilnosti [Factors of the formation of the motivational repertoire of social mobility], *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*, no. 2, pp. 80—88.
- Kalugina, T. A. (2023) Molodezhnye obshchestvenno-politicheskie organizatsii: teoriya i sovremennye praktiki [Youth socio-political organizations: theory and modern practice], *X Dyl'novskie chteniya. Sotsiologiya i sovremennoe obshchestvo: mezhdisciplinarnye podkhody i issledovaniya*, pp. 124—127.
- Kuchmaeva, O. V. (2014) Tsennostnye orientatsii sovremennoy rossiyskoй molodezhi: osobennosti i perspektivy [Valuable orientation of modern russian youth: features and perspectives], *Sotsial'naya pedagogika*, no. 1, pp. 73—83.
- Levicheva, V. F. (2012) Sotsial'noe samoopredelenie molodezhi [Youth's social self-determination], *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 322—324.
- Likhanova, T. Yu. (2024) Zhiznennyye orientiry i tsennosti sovremennoy studencheskoй molodezhi v usloviyakh sotsiokul'turnoy transformatsii rossiyskogo obshchestva (po rezul'tatam sotsiologicheskogo oprosa) [Life guidelines and values of modern student youth in the context of socio-cultural transformation of Russian society (based on the results of a sociological survey)], *Sotsial'no-politicheskie nauki*, no. 6, pp. 39—45.
- Lukov, V. A. (ed.) (2013) Gosudarstvennaya molodezhnaya politika: rossiyskaya i mirovaya praktika realizatsii v obshchestve innovatsionnogo potentsiala novykh pokolenii [State youth policy: Russian and world practice of realizing the innovative potential of new generations in society]. Moscow: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 718 p.
- Mannheim, K. (1994) Diagnostika nashego vremeni [Diagnosis of our time: Wartime essays of a sociologist]. Translated from German and English by Ya. M. Berger et al; in Ya. M. Berger et al. (Eds.). Moscow: Yurist, 700 p.

- Milovanova, M. Yu. (2017) Molodezhnaia politika kak osnova razvitiia sotsial'nogo kapitala [Youth policy as basis for social capital's development], *Sotsial'naia politika i sotsiologiia*, vol. 16, no. 6 (125), pp. 74—82.
- Milovanova, M. Yu. (2022) Sotsial'nye interesy molodezhi: aktual'nyi partiino-politicheskii diskurs i gendernyi analiz [Social interests of young people: current party-political discourse and gender analysis], *Vestnik RGGU*, no. 1, pp. 97—106.
- Milovanova, M. Yu. (2025) Zhenshchiny i muzhchiny o sotsial'no-ekonomicheskoi i obshchestvenno-politicheskoi zhizni v period Spetsial'noi voennoi operatsii (SVO) [Women and men on the socio-economic and socio-political life during the Special Military Operation (SMO)], *Sotsiologiia i obshchestvo: formirovanie i funktsionirovanie obshchestvennoi pamiati: Sbornik dokladov VII vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa*. Moscow, Saint Petersburg, Rostov-on-Don, November 12—14, 2025. Moscow: Rossiiskoe obshchestvo sotsiologov, pp. 3365—3373.
- Milosav, Đ., Dickson, Z., Hobolt, S. B., Klüver, H., Kuhn, T., Rodon, T. (2025) The youth gender gap in support for the far right, *Journal of European Public Policy*, vol. 33, iss. 2, pp. 444—468.
- Noelle-Neumann, E. (1996) Obshchestvennoe mnenie. Otkrytie spirali molchaniiia [Öffentliche Meinung — Die Theorie der Schweigespirale]. Translated from German by Mansurov N. S.; in Mansurov N. S. (Ed.). Moscow: Progress-Akademiya: Ves' mir, 352 p.
- Omelchenko, E. L. (2005) Molodezhnyi aktivizm v Rossii i global'nye transformatsii ego smysla [Youth activism in Russia in context of global transformation], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noi politiki*, vol. 3, no. 1, pp. 59—86.
- Omelchenko, E. L. (2013) Solidarnosti i kul'turnye praktiki rossiiskoi molodezhi nachala XXI veka: teoreticheskii kontekst [Solidarities and cultural practices of early 21-st century youth: theoretical context], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 10 (354), pp. 52—61.
- Omelchenko, E. L. (2022) Molodezh', Rodina i gosudarstvo — (ne)vzaimnaia liubov' [Youth, Homeland and the State — (Non)Mutual Love], *Sotsiodigger*, vol. 3, no. 1—2, pp. 151—156.
- Omelchenko, E. L., Lisovskaya, I. V. (2022) Molodezh' kak barometr budushchego? Molodezhnaia povestka v sovremennoi Rossii skvoz' mneniia ekspertov po molodezhnoi politike [Youth as a barometer of the future? The youth agenda in contemporary Russia as viewed by youth policy experts], *Monitoring obshchestvennogo mneniia*, no. 2 (168), pp. 66—92.
- Parsons, T., Bales, R. F., in collaboration with James Olds, Morris Zelditch, Jr., and Philip E. Slater (1955) *Family, Socialization and Interaction Process*. Glencoe, Illinois: The Free Press, 422 p.
- Popova, O. V. (2021) Politicheskaia onlain-kommunikatsiia molodezhi rossiiskikh megapolisov [Online political communication of youth from Russian megapolises], *Galactica Media*, no. 2, pp. 28—54.
- Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga vos'maia* (2025) [Russian society and challenges of the time. Book Eight] / FNISTS RAN, Institut sotsiologii. In M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova (Eds.). Moscow: Izdatel'stvo «Ves' mir», 352 p.
- Toshchenko, Zh. T. (2024) Zhiznennyĭ mir kak bazovoe poniatie sotsiologii zhizni [Life world as a basic concept of the sociology of life], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, vol. 50, no. 7, pp. 10—22.
- Velikaya, N. M., Knyazkova, E. A. (2021) Reproktivnye prava zhenshchin v politicheskom diskurse sovremennoi Rossii [Reproductive women rights in political discourse of modern Russia], *Zhenschhina v rossiiskom obshchestve*, special issue, pp. 25—37.
- Velikaya, N. M., Shushpanova, I. S. (2021) Rossiiskaia molodezh' o perspektivakh i obrazakh budushchego sotsial'no-politicheskogo razvitiia strany [Russian youth about prospects and images of the future socio-political development of the country], *Vestnik Yuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriia: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*, vol. 14, no. 2, pp. 29—40.

- Weber, M. (2003) *Politicheskie raboty: 1895—1919* [Political Writings: 1895—1919]. Moscow: Praxis, 422 p.
- Zubok, Yu. A. (2020) *Molodezh': zhiznennye strategii v novoï real'nosti* [Youth: life strategies in a new reality], *Monitoring obshchestvennogo mneniia*, no. 3, pp. 4—12.
- Zubok, Yu. A., Chuprov, V. I., Sorokin, A. V. (2021) *Smyslovaia samoregulyatsiia zhiznedeyatel'nosti molodëzhi: gendernye razlichii v sfere truda* [Meanings in self-regulation of young people's life: gender differences in the labor sphere], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 5, pp. 38—59.

Статья поступила в редакцию 08.07.2026; одобрена после рецензирования 25.07.2026; принята к публикации 30.07.2026.

The article was submitted 08.07.2026; approved after reviewing 25.07.2026; accepted for publication 30.07.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Милованова Марина Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры политической социологии и социальных технологий, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, m_milovanova@mail.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor, Department of Political Sociology and Social Technologies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation).

Колесник Владислав Вадимович — магистрант социологического факультета, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, vlkoles10@yandex.ru (Master's student, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation).